

КОНЦЕПЦИИ ТРАНСЛИНГВАЛЬНОСТИ И ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДОВ И ПРОБЛЕМА ИХ СООТНОШЕНИЯ

Э.В. Хилханова

Институт языкознания РАН
erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

Данная статья посвящена теоретической проблеме соотношения двух близкородственных, хоть и принципиально противопоставляемых терминов и концепций — транслингвальности и переключения кодов¹. Относительно первого из них необходимо сразу заметить, что все варианты перевода на русский язык термина *translanguaging* — транслингвальность, транслингвизм, трансязычие — не отражают в полной мере процессуальное значение этой герундиальной формы. Именно герундий передает в оригинальном термине ключевое для транслингвальности значение *действия* и *практики* (см. об этом, напр., García 2012). Вариант перевода *транслингвальность* предпочтен варианту *транслингвизм* потому, что в семантике суффикса *-изм* сильнее выражена статичность, доктринальность, полностью противоречащая значению исходного термина, а вариант *трансязычие* менее благозвучен.

Транслингвальность (далее ТЛ) является сегодня одной из популярнейших концепций в области многоязычия и языковых контактов. При рассмотрении ее соотношения с переключением кодов (далее ПК) важно иметь в виду, что изначально термин *транслингвальность* не был теоретическим понятием, а использовался для описания конкретной языковой практики в программах ревитализации валлийского языка, когда, например, учитель преподает на валлийском, а ученики отвечают в основном на английском, или читают на одном языке, а пишут на другом или наоборот (см. в: Li 2018b; García 2009). И по сегодняшний день, хотя концепция ТЛ давно уже пере-

¹ Термин «переключение кодов» используется мною как термин с более широким значением, включающий в себя смешение кодов (о таком подходе см. подробнее в Gumperz 1982; Myers-Scotton 1993: 1; Хилханова, Папинова 2018). При этом под смешением кодов понимается процесс использования в речи двух (и более) кодов (языков), приобретший более или менее регулярную форму и зашедший дальше, чем просто переключение кодов. Предпочтение одного, «зонтичного» термина обусловлено также и соображениями краткости и удобства.

шагнула границы педагогики и применяется для характеристики сложных дискурсивных практик би- и мультилингвов (см. García 2009), эта практико-ориентированная составляющая важна и для теоретических целей в том числе, о чем будет сказано далее.

Сегодня транслингвальностью называются фактически все виды рече-производства и речевого общения, где задействовано более одного языка, включая заимствования, гибридизацию языков и пиджинизацию, обращение к интернациональным словам, активизацию металингвистических знаний, использование невербальных средств (жестов, мимики, звукоподражания и др.) (Otheguy *et al.* 2015: 283; Прошина 2017: 162; García, Li 2014). Одним из идеологических столпов теории ТЛ является то, что она вписана в постколониальную повестку, где само существование отдельных языков/кодов как продуктов становления национальных государств ставится под сомнение. Наиболее эксплицитно этот взгляд отражен, например, в определении С. Макони и А. Пенникука: “languages do not exist as real entities in the world and neither do they emerge from or represent real environments; they are, by contrast, the inventions of social, cultural and political movements” (Makoni, Pennycook 2007: 2).

Что касается взаимоотношения ТЛ с ПК, то, судя по научной литературе по ТЛ, тут наблюдаются два подхода, один более, другой менее радикальный. В первом случае сам термин *переключение кодов* маркирует «старую» научную парадигму, где коды/языки рассматриваются как застывшие, фиксированные дискретные системы (см., напр.: Otheguy *et al.* 2015: 282). Поэтому в рамках новой транслингвальной парадигмы предпочитают оперировать не терминами *ПК* и *СК*, а *лингвистический репертуар* [см., напр., García 2009; García 2012]. В менее радикальной версии ПК рассматривается как одна из многих транслингвальных стратегий, упоминавшихся выше; соответственно, понятие ТЛ шире, чем понятие ПК.

Это теоретическая сторона вопроса. При эмпирическом же анализе мы наблюдаем следующее: в публикациях и выступлениях на конференциях авторы, как правило, говоря о ТЛ, опираются на примеры ПК. Например, в работе С. Карповой и др. «Translanguaging in the Family Context: Evidence from Cyprus, Sweden and Estonia» авторы рассматривают практики общения в многоязычных семьях, где одним из языков является русский. Авторы заявляют о своей приверженности транслингвальному подходу и в заглавии, и в теоретическом обосновании (см., например, цитату из Гарсиа «TL goes beyond code-switching and translation: it is focused on flexible bilingualism and multiple discursive practices») (Karava *et al.* 2019: 622). При этом в самом тексте мы обнаруживаем примеры именно переключения кодов, а в их интерпретации — оперирование все теми же языковыми «лейблами»: русский и шведский, русский и эстонский и т. д.

Другой пример — из работы одного из самых известных адептов ТЛ Ли Вей. Это отрывок типичного разговора между двумя этническими китайцами из Сингапура (Li 2018b: 14). В целях экономии текста мы не будем приводить здесь сам диалог, действительно изобилующий примерами ТЛ (или ПК?), приведем только интерпретацию его автором: “Whilst I have tried to mark what I can identify in terms of namable languages and varieties, there seems to be little point in asking what languages or varieties they are speaking or counting how many languages are being spoken here. A classic code-switching approach would assume switching back and forward to a single language default, and it would be the wrong assumption to make about this community of multilinguals. If we treat each nameable language or language variety as a discrete entity, some, such as Teochow and Hokkien, are disappearing fast in Singaporean Chinese communities as the younger generations increasingly shift towards English-Mandarin bilingualism instead of the traditional multilingualism in regional varieties of Chinese. But many words and expressions, particularly those that have not been standardized with written Chinese characters, are being preserved and used in the highly fluid and dynamic speech of Singaporean speakers as in the example here”.

Из данного примера и его интерпретации можно вывести несколько умозаключений.

Во-первых, автор очень узко подходит к понятию ПК, говоря: “A classic code-switching approach would assume switching back and forward to a single language default”. Возможно, он не включает в это понятие *смешение кодов* (о соотношении терминов *ПК* и *СК* см. сноску 1 в начале статьи). То, что мы видим в приведенном Ли Веем отрывке, не является чем-то новым, не описанным в научной литературе; например, такая смешанная речь подпадает и под понятие *смешение кодов*, и под понятие *fused lect* Питера Ауэра. *Fused lect* — это, по сути, тоже смешанный язык, находящийся на конечном полюсе пространственно-временного континуума, выглядящего следующим образом (подробнее об этом см. в Auer 1999): code-switching (CS) → language mixing (LM) → fused lects (FLs).

И в целом было доказано, что само ПК является сложным лингвистическим навыком и характерной чертой речи билингов, а не просто переходом то на один, то на другой язык (см., напр., Milroy and Muysken, 1995).

Во-вторых (и что более существенно), Ли Вей, хотя и ставит под сомнение и правильность, и сам смысл идентификации идиомов и прикрепления к ним какого-либо языкового «лейбла», сам оперирует их традиционными названиями и в текстовом описании (Teochow, Hokkien, Mandarin и т. д.), и в сопровождающей диалог легенде, объясняющей, как именно маркированы в нем все присутствующие «языки»:

Bold: Hokkien

In square brackets <>: Teochew

Underlined: Mandarin

In double quotation marks: Malay

In single quotation marks: Cantonese

Italics: Singlish

Standard font: English

Таким образом, как видно из вышеприведенных примеров, исследователи ТЛ, отрицая ПК или отмежевываясь от «кодового» взгляда на идиомы, тем не менее, не могут обойтись без языка описания и терминологического аппарата, традиционно используемого в лингвистике вообще и в исследованиях ПК в частности. Следует ли рассматривать это как противоречие?

В какой-то степени ответ на этот вопрос находим в работе Офелии Гарсия и Ли Вей: ТЛ — это «an approach to bilingualism that is centered *not on languages* (emphasis mine — Е.К.) as has been often the case, but on the practices of bilinguals» (García, Li 2014: 22). Также О. Гарсия иллюстрирует «эпистемологическое различие» между ПК и ТЛ примером из языковых функций айфона. Функция переключения языков отвечает эпистемологии ПК, в которой ожидается, что билингвы будут «переключать» языки. Но в телефоне можно использовать и визуальные функции — смайлики и фотографии; другие функции являются текстовыми, определяемыми в обществе как разные «языки». По Гарсия, для билингвов, способных использовать свой семиотический репертуар без ограничений при отправке текстовых сообщений, функция переключения языка айфона бесполезна. Таким образом, эпистемология ТЛ была бы подобна отключению функции переключения языка на iPhone и предоставлению билингвам возможности выбирать функции из всего их семиотического репертуара (García, Li 2014: 22).

Из этого следует, что разделение ПК и ТЛ идет и по линии «только вербальный (при ПК) vs. семиотический, мультимодальный (при ТЛ)» характер коммуникации. В понятие ТЛ включаются и «паралингвальные и нелингвистические средства коммуникации — жесты, позы, выражения лиц, стили шрифтов» и т. д., в то время как «рисунки или цвета как часть текстового послания» не входят в ПК (Li 2018a).

Здесь мы видим то, что проблема дифференциации ПК и ТЛ тесно связана с более глобальной проблематикой: что есть язык и коммуникация, какова роль и удельный вес каналов коммуникации и т. д. То, что в исследованиях ТЛ пока только заявляется, но еще не подкреплено серьезными эмпирическими исследованиями, уже глубоко разрабатывается в рамках изучения мультимодального (мультимодального) дискурса, где, в отличие от традиционного представления о языке как только вербальной структуре, он (язык) предстает

как один из коммуникативных каналов, наряду с просодическим, мануально-жестовым и окуломоторным каналами (Кибрик 2018а; Кибрик 2018б).

Резюмируем сказанное в данной статье: противоречие между такой «традиционной» областью исследования лингвоконтактных явлений, как ПК, и новой концепцией ТЛ во многом объясняется тем, что концепция ТЛ «выросла» из потребностей и реалий двуязычного образования, сосредоточенного не на языках, а на практиках би- и мультилингвов. Став впоследствии полноценной теорией, она не разрешила полностью противоречие между своим идеологическим обоснованием и практикой лингвистического анализа, которая неизбежно опирается на структуру языков и выработанный терминологический аппарат.

Никто не оспаривает сегодня наличие в любом идиоме, особенно существующем на пересечении многих культур, плохо идентифицируемых и переходных языковых вариантов, равно как и их идеологическую природу. Значимость концепции ТЛ, на наш взгляд, заключается в легитимизации этих живых, текучих, не обязательно совпадающих с лингвистической таксономией продуктов лингвокреативности говорящих, в их позитивной оценке как ресурса, а не как лингвистической ущербности говорящих. Отрицание же «языков» и ПК по идеологическим причинам видится крайностью и подобно выплескиванию воды вместе с ребенком.

Постоянное подчеркивание динамического, процессуального характера теоретиками ТЛ является важной характеристикой этого подхода, но этого недостаточно для лингвистического анализа, для которого должно быть что-то, за что можно «ухватиться», т. е. речь, которую можно подвергнуть анализу, в том числе и во всем ее семиотическом и динамическом разнообразии. О том, что это можно сделать, не отрицая существование языков и ПК, мы можем видеть, в частности, в мультиканальных (мультимодальных) исследованиях, упомянутых выше. В противном случае ученые остаются как без языка лингвистического описания, так и, как справедливо отмечает Дж. Максвон, без эмпирического обоснования; им остается только идеологическое обоснование (MacSwan 2017, 169).

В заключение следует сказать, что в короткой статье мы не имели возможности более подробно рассмотреть дискуссию о ПК и ТЛ в когнитивном аспекте, оставив этот обширный и значимый для их теоретического разграничения вопрос на будущее.

Л и т е р а т у р а

Кибрик А.А. 2018а. Русский мультиканальный дискурс. Часть I. Постановка проблемы. *Психологический журнал*, т. 39, №1, 70–80.

- Кибрик А.А. 2018б. Русский мультиканальный дискурс. Часть II. Разработка корпуса и направления исследований. *Психологический журнал*, т. 39, №2, 79–90.
- Прошина З.Г. 2017. Транслингвизм и его прикладное значение. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*. № 14(2), 155–170.
- Хилханова Э.В., Папинова Б.Ж. 2018. К вопросу о терминах «переключение кодов», «смешение кодов», «вкрапления» и критериях их разграничения. *Мир науки, культуры и образования*, №2 (69), 668–671.
- Auer P. 1999. From Code-switching via Language Mixing to Fused Lects: Toward a Dynamic Typology of Bilingual Speech. *International Journal of Bilingualism*, vol. 3, n. 4, 309–332.
- García O. 2009. *Bilingual education in the 21st century: A Global perspective*. Malden, MA: Basil: Blackwell.
- García O. 2012. Theorizing translanguaging for educators. In: C. Celic, K. Seltzer (eds), *Translanguaging: A CUNY-NYSIEB guide for educators*, № 1–6.
- García O., Li W. 2014. *Translanguaging: Language, Bilingualism and Education*. London: Palgrave Macmillan.
- Gumperz J. J. 1982. *Discourse strategies*. New York: Cambridge University Press.
- Karpava S., Ringblom N., Zabrodskaia A. 2019. Translanguaging in the Family Context: Evidence from Cyprus, Sweden and Estonia. *Russian Journal of Linguistics*, 23(3), 619–641.
- Li W. 2018a. *Translanguaging and Code-Switching: what's the difference?* URL: <https://blog.oup.com/2018/05/translanguaging-code-switching-difference/>. Accessed 15.12.2021.
- Li W. 2018b. Translanguaging as a Practical Theory of Language. *Applied Linguistics*, vol. 39, n. 1, 9–30.
- MacSwan J. 2017. A Multilingual Perspective on Translanguaging. *American Educational Research Journal*, vol. 54(1), 167–201.
- Makoni S., Pennycook A.D. 2007. Disinventing and reconstituting languages. In: S. Makoni, A. Pennycook (eds), *Disinventing and reconstituting languages*. Clevedon: Multilingual Matters, 1–41.
- Milroy L., Muysken P. 1995. *One Speaker, Two Languages*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Myers-Scotton C. 1993. *Duelling Languages. Grammatical Structure in Code-Switching*. Oxford: Clarendon Press.
- Otheguy R., García O., Reid W. 2015. Clarifying translanguaging and deconstructing named languages: A perspective from linguistics. *Applied Linguistics Review*, vol. 6(3), 281–307.